

Шекспиръ.

Вильямъ Шекспиръ родился дня 23. Апр. 1564 г. въ англійскомъ мѣстѣ Стретфордѣ и воспитывался подѣ обстоятельствами не даже благоприятными. По примѣру отца занимался онъ рѣзничнымъ ремесломъ, но оуже въ юношескомъ вѣкѣ отличался живою воображеніемъ и свѣтлымъ остроуміемъ. Оженвшись въ 19 роцѣ въкъ своего съ Янною Гемсвай, женщиною лѣтами отъ него старшою, попалъ въ нѣждѣ, отдался своемувольному житію, и допѣсившись разѣ престѣпленію на ловлѣ свѣринной оубѣгъ изъ родимого мѣста, авы оути загроженной карѣ. Около 1585 г. достался онъ до Лондина, гдѣ выбралъ собѣ станъ актора. — Черезъ 17 лѣтъ былъ акторомъ въ Лондинскомъ театрѣ; играніе его не сподобалось тогдашнимъ обществѣ, и то именно принудило его взатися лѣчше до составленія драматическихъ сочиненій. Найзнакомитѣйшій свои драмы сочинилъ онъ межъ р. 1590 — 1613 и достигъ тогда за житіемъ найвышшою славою — и даже королева Елизавета и король Іаковъ I оучастливали поэта своею пріязнію. Последній лѣта своего житія проводилъ Шекспиръ въ отдаленіи отъ мірскаго шума, въ крѣзѣ своихъ пріятелей. Оумеръ дня 23. Апр. 1616 въ 52 роцѣ своей жизни. Прже, нежелан представимъ едѣльшѣ полнѣю характеристикѣ дарованій Шекспира, скажемъ, що головное его отличіе отъ множества дрѣгнхъ писателей, трѣдившихся около творенія драматѣвъ заключаеся въ томъ, що Шекспиръ — поетъ, и то поетъ въ полномъ смыслѣ слова, поетъ рѣвно великій и въ лирицѣ, и въ епопее, и въ драмѣ. Въ тихъ изъ своихъ произведеній которыхъ красота, по самомъ сѣществѣ ихъ содержанія, заключаеся въ игрѣ чѣства и воображенія, якъ на пр. въ драмахъ: „Якъ вамъ оугодно,“ въ „Снѣ въ лѣтнюю ночь,“ въ „Бѣри,“ въ „Цимбелинѣ,“ Шекспиръ, оуживаючи скаредѣвъ лирической и епической поэзіи въ достоиніе сцены, то подобно Петрарцѣ чарѣе слыхъ нашѣ чѣдными звѣками, то по-

добно Гомерѣ, Дантомѣ и Пріостѣ, плѣнае воображенію оудивительными картинами. Но въ тѣхъ произведеніяхъ, въ которыхъ драматической гениі его явлался въ своей собственной сферѣ, якъ на пр. въ драмахъ историческихъ въ „Лирѣ,“ „Макбетѣ,“ „Отелѣ,“ „Гамлетѣ,“ поражае насъ непостижимымъ искусствомъ въ изображеніи страстей и характерѣвъ. Шекспира знаніе людій въшло въ пословицу, мысли его о жизни человечества носятъ печать оума гавѣчайшого; но не въ томъ ещѣ заключаеся все превосходство Шекспира. Знати людій, постигати тайны жизни може и фѣлософъ; высказати же тое знаніе и тѣю тайнѣ въ живыхъ драматическихъ картинахъ може только гениі поэзіи. Тѣтъ Шекспиръ не має соперникѣвъ. Онъ николи не роздѣвлалъ передъ нами страстей и характерѣвъ, не оутѣмалъ исчисленіемъ побѣдительныхъ причинъ, не ѣткрывалъ намъ дѣши человека непосредно, въ его милохотныхъ дѣйствіяхъ и вѣсѣдахъ. Созданія Шекспира воображенія такъ живіи такъ истинніи, запечатаніи такою личностію, такъ всегда вѣрніи самымъ собѣ, що здаеся произвела ихъ не сила человеческого оума, но творческая сила самаи природы.

Съ такою же непостижимою истинною, вѣрностію, наглядностію представляе намъ Шекспиръ и страсти характеры. Мы видимъ, якъ они зарождѣются въ дѣши дѣйствующихъ оубѣ, якъ возрастаютъ, видимъ пѣти, которыми они вкрадѣются въ дѣшѣ, развиваются въ ней, поки не овладѣютъ всѣми еи желаніями и волею. „Межъ всѣми поэтами“ — каже Я. Шлегель — „изъобразилъ лишѣ еденъ Шекспиръ властивіи дѣшевніи хоровы, печаль, сѣдмасшествіе, хоженіе въ снѣ съ такою незаперечною и всесторонно опредѣленною правдою, що даже лѣкарь може на нихъ якъбы на доистинныхъ выпадкахъ свое знаніе обогатити.“

Но найдивнѣйше всего въ Шекспирѣ естъ его искусство грѣповати характеры, помнати ѣтдѣльніи личности ихъ взаимными отношеніями.

Шекспиръ рѣвно великій въ комиче-
скомъ, якъ и въ трагическомъ. Онъ так-
же легко выобрѣтае самѣи забавніи положенія,
якъ и сцены трагическіи, тольکوже оудивлае
насъ своимъ неистощимымъ остроуміемъ
въ комедіи, тольکو глибокомыслимъ и си-
лою фантазіи въ трагедіи.

Чудный даръ характеристики въ соеди-
неніи съ испанскою силою фантазіи сообщае
произведеніямъ Шекспира, при представленіи
ихъ на сценѣ, неовыкновенное правдоподобіе
и поразительность. Кто разъ видѣлъ на сценѣ
трагедію Шекспира, тотъ не забуде ея. Она
връзбеса въ память, якъ впечатлѣніе
жизни, якъ событіе доистное, и врѣ-
збеса мимохотно, независимо отъ боль-
шой или меньшей способности сознати и
цѣнити красоты Шекспира. И дѣла, и жен-
щина, и невѣжа, и образованный зарѣвно по-
ражаются наглядностію и правдоподобіемъ
Шекспировой трагедіи. Оу Шекспира всѣ со-
словія, оба помы, всѣ возрасты, всѣ страсти
и характеры, всѣ народности, історія вре-
мени минувшихъ, природа съ очарованіемъ
картинъ ея, навѣтъ таинственный міръ дѣховъ
и фантастичный міръ гномовъ, якъ бы по
мановію волшебного жезла, являються на
сценѣ передъ очима оудивленнаго зрителя съ
всю силою истины и дѣйствительности.

Желючи представити классификацію дра-
матичныхъ произведеній Шекспира, желючи
пѣдвести ихъ пѣдъ извѣстніи формы и от-
нести къ извѣстнымъ родамъ и видамъ,
преже всего съ недоумкніемъ срѣтаемъ
въ нихъ отсутствіе тихъ рѣзкихъ границъ
межи трагичнымъ и комичнымъ, которіи
свычайно являються въ произведеніяхъ клас-
сичной древности. Но явленіе то не есть слѣ-
чайная прихоть генія Шекспира, и не ошибка
его, якъ колісь говорили французскіи крити-
ки, противъ правилъ и законѣвъ драмы:
противно, причина сближенія комичного съ
трагичнымъ скрываеся въ самой сущности
искуства и въ характерѣ искусства Хрістіан-
ского. Для Грека комичное заключалоса толь-

ко въ смѣшномъ, карикатурномъ, чѣствен-
номъ; для художника хрістіанского, коми-
ческое, яко изобразженіе дѣйствительности
всегда священно, має такжоже важность и
достоинство, якъ и трагичное. Для того
художникъ хрістіанскій, изображаа жизнь
такъ якъ она есть, вноситъ въ одно и то-
же произведеніе первѣстки и трагичного и
комичного, но не лише черезъ то произведе-
ніа сего ни единства, ни важности. Сбли-
женіемъ комичного съ трагичнымъ не от-
вергаеся розличіе, сѣществующее межи ними,
якъ межи двома розличными родами естетич-
но порочающегося. Розличіе то, заключаючися
въ самомъ сѣществѣ искусства, въ различіи
его средствъ, формъ, впечатлѣній, есть не-
ничтожимымъ, и въ произведеніяхъ поэзи
романтичской розвилоса оно глѣбше и пол-
нѣйше, нежели въ поэзи классической, кото-
рая въ комичномъ ограничалася преимѣ-
ственно карикатурнымъ, въ трагическомъ
типично-краснымъ.

Старець

(соч. Амбросій Метанскій) и гуройж

Бѣтрець передзимный, волгкій, холодненькій,
Бѣ дворовѣ въ сохшимъ листомъ шелестѣ
Листъ жолтый, червоный шматъ, хрѣнот
Съ торбиною старецъ иде сивый, старенькій,
Листъ жолтый, червоный шматъ, хрѣнот
„Колісь-то,“ онъ шепче, „за ватка и ненька
„Бозили въ сю порѣ, складали стѣжки!
„Бѣла тогды хата, садки зелененькіи,
„Скнцѣ и скотинка, городъ и пѣдаки,
„Оумерли — пропала хѣдоба, хатина,
„И по мірѣ старцемъ пѣстили мене!
„Схилаю головкѣ якъ тамъ была,
„Бѣ якъ якъ чѣжого отъ себе жене,
„Тыраюсь по селахъ, ночью край тынъ,
„Чѣжін и села и хаты и тынъ!

Туга.

(Изъ Шилера.)

Если бы мы изъ сей низины,

Котора мракъ стѣденыи скрыла,

Были бы мы мѣ въ край ный, —

Ихъ же бы мы счастливый были!

Видю тамъ зеленъ взгѣръ,

Вѣчнои красоты оудѣла;

Ковымъ крыла малъ и пѣрѣ,

И вы къ тимъ горамъ летѣла.

Тамъ то пѣсни чѣднѣ, звонкѣ,

И небесный миръ всюда,

А вѣтрѣцъ несе легонѣкѣ

Вонъ и сладость мнѣ сюда.

Тамъ въ зеленѣи, темнѣи гѣщи,

Овочъ золотый влѣтитъ,

А цвѣты, тамъ же цвѣтѣщи,

Стѣдѣкъ зимѣ не поразитъ.

Ихъ, ихъ же тамъ любу жити

Въ вѣчныхъ солнечныхъ лучахъ,

И ихъ рѣзвый должѣнъ быти

Воздѣхъ на онѣхъ горахъ.

Но мѣнѣ затмѣвала

Пѣтъ въ тѣ сторонѣ рѣка,

Страшно мнѣ, що такъ возрала,

Що вѣриваи така.

Ось, тамъ лодка оу околѣи,

Хоть безъ весла ра плыве,

Нѣже смѣло, безъ тревоги,

Вѣтеръ въ ей вѣтрила дме.

Бѣръ и вѣдѣ отважный, смѣлый,

Помѣчь Богъ сошле зѣ невестѣ,

Тѣлько чѣдомъ можѣшъ въ мнѣи

Край достатѣса чѣдѣс!

Д.

Шекспиръ.

II.

Замѣчательнѣйшѣи изъ драмъ Шекспира, которыи по своимъ характерѣ могѣтъ быти отнесенѣ къ области драмы комическои, сѣтъ

слѣдующѣи: „Конецъ вѣчнае дѣло“, — „Много шѣмъ на пѣсто“, — „Венецкѣи кѣпецъ“, — „Ихъ вамъ оугодно“, — „Биндсорскѣи жены“, — „Сонъ въ лѣтнюю нѣчь“, — „Бѣра“, — „Цимбелинъ“.

„Конецъ вѣчнае дѣло“ содержитъ въ собѣ історію простои сѣланки, влюбившонса въ графа, и представлѣе превосходное драматическое развитіе тон мысли, що невинность, преданность и любовь жены смягчаютъ наконецъ самый высокомѣрный и деспотичный норовъ мѣжа.

„Много шѣмъ на пѣсто“ Драма таи основана на історіи Прѣодана и Женевры, розсказаннои оу Прѣоста, обильна театральными нечаянностями и сценичнымъ эффектомъ. Особенно занимательнѣи въ ней ролю Бенедикта и Беатричи, которѣи, зарѣвно не вѣрачи въ любовь, зарѣвно прослѣдуючи себѣ насмѣшками, влюбляются одно въ другѣ, послѣ того ихъ оудалось вѣншити имъ взаимное оувѣреніе що одно изъ нихъ живитъ тайнѣю страсть къ другомъ.

„Венецкѣи кѣпецъ“, — одно изъ превосходнѣйшихъ творенѣи Шекспира, поражае превосходнымъ изъображеніемъ Шайлока. Характеръ того жидѣ, съ его слѣпою вѣрою въ вѣкъ закона, съ его несносительностью, алчностью, мстительностью, принадлежатъ къ числу тихъ оуди вѣтельныхъ драматическихъ характерѣвъ, которыми Шекспиръ вѣльше всѣго доказалъ свое знаніе чѣловѣка и народѣвъ.

Красота драмы „Ихъ вамъ оугодно“ заключаеся не въ характерности особѣ, не въ живости и занимательности дѣйствіа, но въ красотахъ лирическихъ и эпическихъ: въ выраженіи чѣвства и мысли и въ живописныхъ грѣппахъ лицъ, мелькающихъ передъ очима зритѣлей, посередъ чароватѣльной природы.

Въ „Биндсорскихъ женахъ“ выведенѣи на сценѣ многѣи изъ комическихъ особѣ, представленныхъ въ історической драмѣ „Генрикъ IV.“, и въ тѣмъ числѣ знаменитый Фалстафъ, превосходнѣйшѣи комический характеръ изъ всѣхъ оутворенныхъ гѣнѣемъ Шекспира. Фалстафъ — трѣсъ, лжецъ, хвастѣнъ,

лестецъ въ очехъ, насмѣшникъ за очима, не возбуждає однако отвращенія, для того що побѣдительноя причина всѣхъ его дѣйствій не есть злоба и ненависть къ другимъ, но только черезмѣрная любовь къ своей властной особѣ. Говорятъ, що Королева Елисавета хотѣла видѣти влюбленнымъ Фалстафа „Генрика IV.“ и то побѣдило Шекспира сочинити комедію „Биндсорскія жены.“ Твореніе тоє, представляє простую картинъ обычаевъ и домашняго быта старон Англіи, больше прочихъ произведеній Шекспира приближается къ комедіи въ звычайномъ смыслѣ того слова; однако и въ ней есть нѣсколько сценъ, въ которыхъ дѣйствіе переносится изъ прозаичнаго міра вѣденной жизни въ поетичный міръ выдумки. Тоє оумѣніе, не нарушаячи правдоподобія оукрашати дѣйствительность цвѣтами роскошной фантазіи, составляетъ одно изъ главныхъ отличій Шекспирова драматическаго искусства.

„Гонъ въ лѣтнюю нѣчь“ и „Бѣри“ въ томъ сходны межъ собою, що въ обоухъ фантастичный міръ силфидъ и гномовъ представлень дѣйствующимъ зарѣвно съ міромъ человѣческимъ. Кроме того въ „Бѣри“ изъображено подъ именемъ Калибана олицетвореніе всего що есть безобразнаго и вреднаго въ природѣ. Характеръ тон фантастичнаго створы, занимающаго середину межъ малою и гномомъ, означенъ такими рѣзкими и наглядными чертами, що здаєся, если бы подобная тварь существовала донестно, то существовала бы только въ такомъ видѣ, въ якомъ представлена оу Шекспира.

„Цимбелинъ“, не заключає въ собѣ красоты чисто драматичныхъ, но плавно и вообразно представленіемъ на сценѣ картинъ, наполненныхъ невыразною граціею. Къ числу такихъ картинъ принадлежитъ особенно та сцена, въ которой два молодіи князѣ, повернувши изъ лова въ пещерѣ,

хоронять подъ цвѣтами минувшій пре-
красн сестрѣ свою, переводятъ нажемъ, и
спѣвають похоронный гимнъ.

Шекспировіи трагедіи могутъ быти раздѣлены на два разряды: на драмы историческіи и драмы, представляющія картинъ сѣдѣвъ человѣческихъ изъ общихъ точекъ зрѣнія. Историческіи, по своему содержанію, относятся или къ исторіи Рима, или къ исторіи Англіи.

Въ драмахъ содержанья староримскаго обнятіи и представленіи въ поразительно-вѣрныхъ драматичныхъ картинахъ всѣ замѣчательнѣйшіи событія и явленія Римской исторіи: борьба аристокраціи съ демокраціею, начало имперіи, борьба за власть императорскѣ, времена оупадка.

„Коріоланъ“ — въ высшій степени почтенное произведеніе такъ по глубинѣ норовственныхъ и политичныхъ ідей, какъ и по вѣрности въ изъображеніи историчныхъ характеровъ. Нигдѣ, быти може, нагловѣе и заслѣпленіе толпы не изображенъ такъ живо, какъ оу Шекспира въ представленіи Римскихъ плебеевъ, и николи презрѣніе къ толпѣ не высказалоса такъ сильно и рѣзко, какъ высказалоса оу Шекспира, оустами высокоумнаго патрикія Коріолана.

„Цесарь“, „Антоній и Клеопатра“ и „Титъ Андроникъ“, яко драмы, проникнутыи однимъ общимъ взглядомъ на жизнь древняго Рима, мають межъ собою связь не только внѣшнюю, но и внѣреннюю. Въ нихъ красота и очарованье поєзиі соединены съ повагою исторіи. Видачи превосходное изъображеніе такихъ особъ, какъ Цесарь, Антоній, Октавій Августъ, видачи оумѣніе Шекспира представити, съ сохраніемъ всѣхъ сѣществныхъ тревованій искусства, вѣрную картинъ замѣчательнѣйшихъ историческихъ событій, мы не знаемъ, чомъ больше оудивлятися въ Шекспирѣ: искусствѣ ли поэта, или глубокомыслію и проникательностью историка.

(Конецъ статьи.)

благополучію Своихъ народѣвъ постановили-
сте, крѣпко и благодатно въ совершеніе, абы
еще въ позднихъ столѣтіяхъ было памят-
никомъ для Вашего Величества и обновленія
Яустріи! Да подасть намъ тоє за ходатай-
ствомъ преклассловенной и пренепорочно не-
беск. Царицѣ Отцѣ живота и благодати, на
которого надѣемся, къ которому нынѣ го-
лосъ и сердце воздвигнѣти хотимъ.

Шекспиръ.

III.

(Продолженіе.)

Десять драмъ Шекспира изъ англійской
історіи представляютъ одно цѣлое, въ кото-
ромъ отдѣльныя драмы: „Король Іоаннъ“, „Ри-
чардъ II.“, двѣ части Генриха IV., „Генрихъ V.
три части Генриха VI.“, „Ричардъ III.“ и „Ген-
рихъ VIII.“, могутъ быть оуважанъ яко отдѣл-
ныя пьесы чуждой драмы-эпопеи. Тѣ драмы
содержатъ въ себѣ непрерывный рядъ событій,
свершившихся въ теченіи майже 100 лѣтъ,
отъ Ричарда II. до Ричарда III. включительно,
и представляютъ полную поетическую кар-
тину одного изъ занимательнѣйшихъ періо-
довъ англійской історіи. Первая же и послѣд-
няя изъ тѣхъ 10 драмъ, именно „Король Іоаннъ“
и „Генрихъ VIII.“, хотя и не имеютъ непосред-
ственной связи съ 8 прочими, могутъ быть одна-
ко оуважанъ яко прологъ и эпилогъ къ онымъ-
же. Въ „Королѣ Іоаннѣ“ мы видимъ начало
роздорѣвъ, продолжающихся въ 8 послѣдую-
щихъ драмахъ; въ „Генрихѣ VIII.“ видимъ но-
вый міръ политики, различный отъ средно-
вѣковыхъ роздорѣвъ.

Бѣлицъ Шекспировыхъ твореній состав-
ляютъ драмы поважнѣи, въ которыхъ при-
рода человѣческая представлена изъ общихъ
точекъ зрѣнія. Они сѣтъ слѣдующія: „Ромео и Юлія“ — каторженный дра-
матическій иланъ и оразъ похороннаго пѣсна
любви, тон любви страстной и матижной, ко-
торая возникла подъ пламеннымъ небомъ ю-
га въ сердцахъ двоихъ для себе созданныхъ
существовъ. Тѣтъ все кипитъ жизнью, тѣтъ, не

смотря на оутонченность порокѣвъ, страсти
дѣйствуютъ съ жаромъ, и отъ развѣшитель-
ного дыханія мести и ненависти прекрасный
жертвенникъ любви оугасе. Особенно достой-
на вниманія и оудивленія въ той драмѣ об-
щественность въ расположеніи и выборѣ самыхъ
малозначныхъ подробностей.

„Отелло“ — поразительная картина лю-
бовной зависти, которая источникъ заклю-
чаетъ только же въ привязанности къ люби-
мой женщинѣ, кѣлько и въ раздражительно-
сти души гордой и честной любови, которая
принѣдила высокобного Римлянина оумер-
твить свою женѣ для того только, что жена его
не должна быть и подозрѣваема.

„Гамлетъ“ — драма представляющая
чуждое соединеніе внутренней глѣбной мысли
съ внѣшней сценической поразительностью.
Что може быть эффективнѣе, якъ появленіе
тѣни Гамлетова отца; представленіе на сценѣ,
подъ видомъ театральнаго зрѣлища; карти-
ны свершеннаго злодѣанія; съзмасшествіе О-
феліи; ея смерти; погребеніе; сѣкта Гамлета
и Ларта на ея гробѣ; послѣдній почести, воз-
данный Фортинбрасомъ погнѣшій Королев-
ской родинѣ; а межѣ тѣмъ каждая изъ тѣхъ
сценъ, поразительныхъ своею наглядностью
для всѣхъ и каждого, заключаетъ въ себѣ глѣ-
бочайшій внѣтренній смыслъ, може сѣжити
неизчерпаемымъ предметомъ для філософа.

„Макбетъ“ — по важности основно
мысли, по глѣбнѣ излѣдоканія тайнъ чело-
вѣческой души и природы — одно изъ превосхо-
днѣйшихъ твореній Шекспира. Пѣкло кинѣло
въ душѣ благороднаго героя Макбета, оупое-
ннаго славою послѣ одержаннаго побѣды,
скмена пристрастнаго славолюбія, и скмена тѣи,
не истребленнаго нимъ въ часть похѣсы, на-
разъ разрастаются, затмѣваютъ его оумъ,
подавляютъ въ немъ чѣство чести и обяза-
нности, и дѣлаютъ его презрѣннымъ оувѣи-
цею своего добраго Короля, своего добродѣ-
теля и гостя.

(Конецъ сѣкста.)

В Д О В И Ц Я.

Чи розбикаєсь корабель на морі?
Чи валать вихры перковѣчній коры?
Чи рвѣть ся скалы, чи звѣтъ оужасъ законить?
Нѣ, то на гробѣ вдова рѣки ломить.

Прішла блѣдамъ шкѣ тѣнь полдночи,
Бвила вѣ могилахъ запалинъ очі,
Бвила, и лѣмъ ать пѣдъ крестомъ оупала,
Обвила землю, грѣбъ оуцѣловала.

Знаєшь розпѣкъ, що назвы не має?
Знаєшь розпѣкъ, що Бескиды крає?
Мкриль-єсь пропасть, гдѣ вса вѣчність лаже?
О звѣдай вѣднѣ, она тобѣ скаже.

Ба нѣтъ, не скаже, нѣ плачемъ нѣ сломы,
На еи горѣ нема вѣ свѣтъ мовы;
И ей зѣница оуже свѣла стала,
Ячей и дѣшъ она выплакала.

Еи вздрѣ не свѣтитъ, лишъ таѣ поволи,
Шкѣ пороуханка скрѣзъ пѣтмѣ на поли;
Личко вѣзъ цвѣта, счорнѣло, сгорѣло,
Грѣсть го спалила, горѣ оумертвило.

И сердце зимне, вѣ клѣбочокъ скорчене;
Бѣ немъ нѣтъ надѣи, оно погрівлене;
Разомъ шкѣ вѣ грѣбѣ много сховано,
Надѣю, сердце и свѣтъ закопано.

Щодень съ дитаткомъ скоро солнце встане,
На грѣбѣ приходить, по дитаткѣ глање,
Глање и оупадѣ, взнесе рѣки обѣ;
Солнце заходитъ, она ще на грѣбѣ.

И не заводить, оуже занѣмѣла;
Хива на хвилю шгѣдка свѣднѣла
Епишитъ при грѣди, и снова далѣй жолкне
Доки при грѣди вѣ вѣкъ не замолкне.
Часами тѣлько зѣ безоднѣ ей гора
Озвѣсь стогнѣ долгій, шкѣ грѣмъ изъ за мора,
Шкѣ голосъ трѣпа що оживе вѣ грѣбѣ,
Тажкій, мовъ ѳтдыхъ послѣдній вѣ хорѣбѣ.

И никто вѣ свѣтъ, никто не спытає,
Никто дла вѣднои потѣхи не має;
Лишь шкѣ стогнѣ страшный въздухомъ сколаче,
Згомонатъ люди: „То вдовнца плаче!“

Шекспиръ.

III. (Конць.)

„Король Лиръ“ представляе печальное зрѣлище порѣганія троакого достоинства — Царя, старика и отца — оужасною неблагодарностію дочеріей. Тѣтъ вниманіемъ зригелъ овладѣвають не особы дѣйствуючіи, но особы страждучіи, и состраданіе есть головою цѣлю сен трагедіи.

Шкѣ вѣдъ бытамъ назвати формѣ Шекспировои драмы: комедією, трагедією, драмою или инымъ шкимъ вѣдъ именемъ, не подлѣжитъ сомнѣнію, що форма таа оригинальна, перковторна; она есть плодомъ драматичнои поесіи Англіи и искусства Шекспира. Произведеніа Шекспира, самородніи вѣ

формъ, должні однако относитися къ одному изъ тѣхъ коренныхъ видѣвъ драмы, которіи неизмѣнно и постоянно повтораются въ развитіи поесіи всѣхъ временъ и народѣвъ. Міръ Шекспировыхъ произведеній есть однакожъ преимущественно міромъ середнихъ вѣкѣвъ. Въ большій части драмъ Шекспира лише драматично представлено то, що составляло содержаніе средновѣковой эпохи; выведеніи на сценѣ только тѣ стихіи и тѣ отношенія общественнаго житія, которіи развились въ жизни средновѣковой Европы. Даже въ тѣхъ произведеніяхъ Шекспира, въ которыхъ представлено челоука вообще, а не челоука середнихъ вѣкѣвъ, якъ на пр. въ „Гамлетѣ“, „Отеллѣ“, „Лирѣ“, личность челоука и характеры являються въ видѣ средновѣковой эпохи. Всюду видимъ князѣвъ, окръженныхъ поважною свѣтою коуръ, дворянъ, и слугъ; всюду личность челоука представлена подъ вліаніемъ ідей рыцарского вѣка.

Що до поетическаго значенія Шекспира, то хотя онъ поетъ чисто-англійскаго произхожденія, но гѣній его, возросши, развившись и возвышавши на почвѣ родимѣй, принадлежитъ не одной только Англіи но всемъ челоукачествѣ. Тотъ всечелоукачскій гѣній Шекспира являється въ всѣхъ его твореніяхъ. Драматическіи критики доказуютъ съ глибокою правдою, що Гете въ своихъ драмахъ зналъ чародѣйною силою сотворити прекрасніи лица женскіи, якъ Іфигенію, Гретхенъ и пр. Шилеръ напротивъ оумѣлъ съ особливимъ талантомъ создати дѣльніи характеры мужескіи, якъ Бальштайна, Телла и пр., а Шекспиръ пользовался тѣми свойствами въ представленіи мужескихъ лицъ въ рѣвноу мѣрѣ; що больше, его всеобъемлющій гѣній представляе и чертае чародѣйніи образы всѣхъ народѣвъ, и новыхъ и старинныхъ людей всякаго вѣка, сословія, характера, и найрозличнѣйшого способѣ мышленія такъ живо, якъ въ образы тѣ снималъ прямо изъ самой же природы. Отъ остроумнаго или невиннаго жарта ажъ до страшныхъ порывѣвъ край-

нѣго отчаянія, всякіи страсти и чествованія отъ ихъ першого начала ажъ до того отепенія, где желѣзною силою они овладѣли дѣшомъ и сердце, все тое открывае онъ передъ очима нашими поразительно и живо, и якъ дѣвгій Прометей сотворае посредствомъ огня изъ небесъ взятого передъ нами челоука съ всеми его честнотами и грѣхами, силами и слабостями. —

Томъ не дивно, що въ новѣйшіи літературѣ, сознаючи всю высоту Шекспирова дѣла, стараються присвоити собѣ плоды его драматическаго гѣнія, а оученіи всѣхъ народѣвъ переводили и переводять на языкъ родимый его творенія. Особливо занимались много Шекспиромъ оученіи Нѣмцы: Лессингъ, самъ знаменитый драматургъ оузналъ Шекспира за оугольный камень всякой драматическаго поесіи, Бѣландъ, Шлегель и Тикъ перевели всѣ его оутворы и въ своихъ сочиненіяхъ препорѣчаютъ дѣла его молодымъ поетамъ за наилучшій взорецъ къ посаждованію; а Гете и Шилеръ признають съ живою благодарностію глибокое вліаніе Шекспира на свой властніи творенія. Д.

Церковь Старѣвска.

Церковь села Старѣва, извѣстнаго отъ нападѣвъ Татарскихъ, не есть то великае якое созданіе въ готическомъ стилѣ съ возносающимися банями и мраморными коринтійскими столпами, есть то лише церковца рускаа, якъ по большій части бывае, деревяна мала, но одна можъ сказать, изъ найкраснѣйшихъ цѣлоу Галиціи. Создана есть р. 1841 на мѣсто старон, не много прежде сгорѣвшой церкви, владѣливымъ ктиторомъ в. п. Іосифомъ Павлюковскимъ, ц. к. тайнымъ совѣтникомъ, и сыномъ его Гвальбертомъ, обитавшимъ въ Медыцѣ, который не щадилъ золота и серебра на еи оукрашеніе. За тое да бѣде имъ по всегда честь и память! — Есть тамъ церковь больша, нежели многіи нѣмскіи церковци, такъ гѣсто срѣтаемъи оу насъ, и выставлена цѣлоу на способъ греческій, кре-